

Parodia sacra: “СИМФОНИЯ (2-Я, ДРАМАТИЧЕСКАЯ)” А. БЕЛОГО

© 1998 г. Л. В. Павлова

В статье рассматривается “Симфония (2-я, драматическая)” А. Белого как показательный случай возникновения и бытования “священного текста” символизма. Его основные идеи, представленные образами учителей автора (Ницше, Вл. Соловьев, Достоевский) и его друзей (С. Соловьев, А. Петровский), раскрываются путем пародирования текстов предшественников и современников, а также через самопародирование.

The article considers “The Symphony (the 2-nd, dramatic)” by A. Bely as an illustrative example of how symbolism’s “sacred text” is emerging and living. Its main ideas are embodied in the images of the author’s teachers (Nitsche, Vl. Soloviev, Dostoevsky) and friends (C. Soloviev, A. Petrovsky), and developed through parodying the texts of the predecessors and contemporaries, as well as through self-parody.

Андрей Белый неоднократно и настойчиво повторял, что вышедшая в свет в 1902 г. “Симфония (2-я, драматическая)” – пародия. Приведем одно из таких высказываний: «О Шмидт впервые слышу я, вероятно, еще в 900 году; ее “ересь” – основа пародии, изображенной в “Симфонии” (...)» [1, с. 145]. В этих словах содержится не только определение “Симфонии” как пародии, но и указание на объект этой пародии – Анну Шмидт, провозгласившую Вл. Соловьева воплощением Христа, а себя – Душой Мира, к которой обращены все мистические стихотворения философа.

В кратком тексте, озаглавленном “Вместо предисловия”, открывающем “Симфонию”, Белый так же недвусмысленно, но более обобщенно определяет объект пародирования: “(...) здесь осмеиваются некоторые крайности мистицизма” [2, с. 273]. Известна и еще одна, более развернутая формулировка: «(...) сатирический смысл: синтез черт, которые я подмечал у окружавших меня чудаков и мистиков, как попытка нащупать рождавшийся тогда новый тип; этот тип еще созрел в неизвестных мне – Эрне, Бердяеве, Блоке, Булгакове, Льве Тихомирове, в нижегородской “душе мировой” Анне Шмидт, в Тернавцеве...» [1, с. 138].

Почувствовав угрозу профанации драгоценных идей, Белый нанес удар хорошо известным и весьма распространенным способом осмеяния, окарнакирования. Безжалостно-анекдотично описание рассуждений и деятельности новоиспеченных мистиков в 3 части “Симфонии”: “1. (...) сеть мистиков покрыла Москву. 2. В каждом квартале жило по мистика; это было известно квартальному. 3. Все они считались с авторитетом золотобородого аскета, готовящегося в деревне сказать свое слово. 4. Один из них был специалист по Апокалипсису. Он отправился на север Франции наводить справки о возможности появления грядущего

го зверя. 5. Другой изучал мистическую дымку, сгустившуюся над миром. 6. Третий ехал летом на кумыс; он старался поставить вопрос о воскресении мертвых на практическую почву. 7. Четвертый ездил по монастырям интервьюировать старцев. 8. Иной боролся в печати с санкт-петербургским мистиком, иной раздувал искорки благодати...” [2, с. 341–342].

В 1908 г. против “поминания всеу”, опошления мистических прозрений и откровений, составляющих основу символического миропонимания, выступит и А. Блок: “Не делайте из наших исканий – моды, из нашей души – балаганных кукол, которых таскают на потеху по улицам, литературным вечерам и альманахам” [3, с. 349].

И Блок, и Белый протестуют против одного и того же, но с весьма существенным отличием: Блок в 1908 г. говорит о людях существующих, событиях происходящих, произведениях написанных, а Белый в 1901 г. пишет о нераспространенном типе людей, образе мыслей и жизни. Где же Белый видел, и откуда он знал высмеиваемый им тип мистика? Конечно, это могла быть игра воображения, отталкивающаяся от деталей реальной жизни, – единичная встреча с А. Шмидт, статьи Д.С. Мережковского (растроившегося в “Симфонии” на собственно Мережковского, Дрожжиковского и Мережковича) и В.В. Розанова (выступающего в “Симфонии” петербургским мистиком-циником Шиповниковым) и т.п. Но текст демонстрирует не поверхностное, а весьма серьезное знакомство автора с предметом изображения, понимание сущности мистического движения, представление о различных формах его проявления. Ответ может быть следующим: формирующийся тип мистика Белый видел: а) в своем близком окружении; б) в себе самом (разделение это условно).